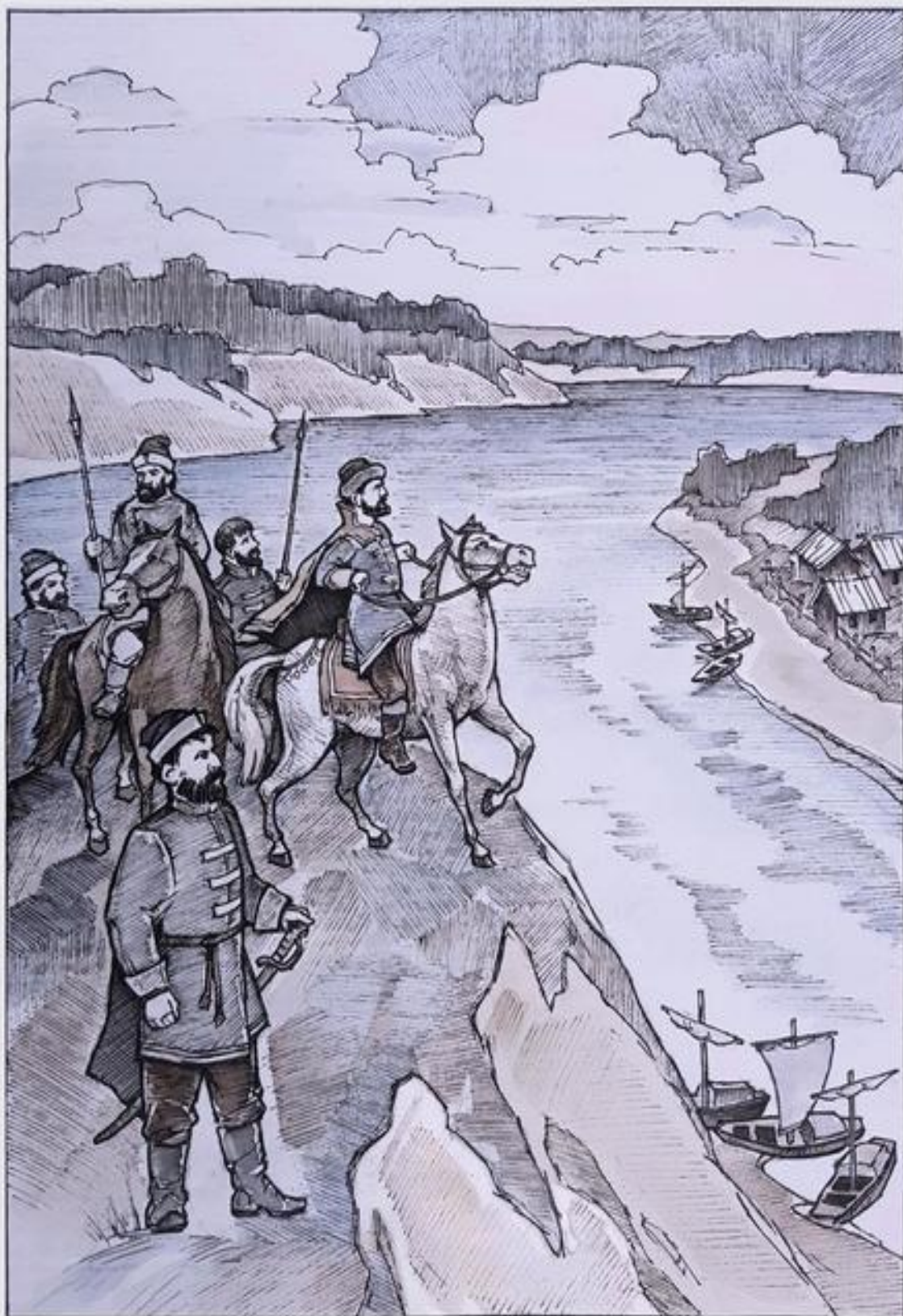

Илья Таранов

**Как Богдан Хитрово
Симбирск строил**

Историческая повесть

Ульяновск 2006

События, описанные в этой повести, начинаются в те времена, когда на Руси царствовал Великий князь Михаил Фёдорович, первый из династии Романовых, великих царей нашего Отечества.

Глава 1

Летом 1642 года по правому берегу Волги у восточных окраин Московского государства двигалась вереница конных воинов. Среди них на белом коне выделялся молодой всадник в узорчатом парчовом кафтане. Богатая сбруя с драгоценными камнями сверкала на солнце. Видимо, это привлекало внимание одинокого коршуна, парившего высоко в небе. Хищная птица видела, как воины поднимались с севера в гору. То был высокий берег, поросший сосной и дубом. Всадник на белом коне время от времени оглаживал свою молодую бороду, которую трепал задорный ветер. Ястребиные глаза сверкали из-под черных бровей. Он живо осматривал от века не рубленные деревья. Всадника звали Богдан Матвеевич Хитрово, он был стольником при царском дворе. Было ему от роду двадцать девять лет.

В это самое время от реки в гору забирались два босых мальчишки в длинных домотканых рубахах. Один, который помладше, белобрысый с курносом носом, похожий на выбившегося из сил бельчонка, отстал и плаксиво тараторил:

- Митька, пить хочу... Митька, пить!
- Перестань хныкать, Емелька! Ближе до макушки, - второй мальчишка, лет восьми, широколобый и сбитый, как заяц-беляк, остановился и посмотрел вверх. Там, будто небесный страж, молчаливо кружил коршун.
- Митька, пить хочу. Вернёмся в деревню, - продолжал ныть белобрысый мальчишка.
- Чу, Емелька, воины с Москвы. Батяка мой с реки их увидал, мне наказывал разузнать, куда идут.
- Ежели то ногайцы или башкиры?
- Чу, Емелька, инородцы с ермаковского леса идут, а эти с севера... Если то ногайцы, спрячемся в овраге. Не робей, Емелька, - и мальчишки, отдышавшись, проворно полезли в гору...

Конные воины выехали на край высокого берега. Это был широкий пустырь, окружённый лесом. Внизу размеренно текла могучая река Волга, приютившая на речном просторе большие острова с озёрами и лесами. На противоположном берегу в сизой дымке зеленели рощи и заливные луга, живописно тянулись пологие берега с глубокими оврагами. У подножья горы ютились приземистые избы, рыбацкие хижинки и челны. Сверканье синих вод и широкий простор завораживали людей и они, спешившись, некоторое время молчали.

– Вот она, волжская вольница! – воскликнул всадник на белом коне. Он единственный был ещё в седле, и, казалось, хотел выше приподняться над землёй и заглянуть за бескрайние горизонты.

– Гоже место, боярин Богдан Матвеевич, – ответил стоявший рядом воин с пищалью, в драгунском кафтане и в островерхой шапке, отороченной полоской лисицы.

– А ну-ка, смерть своим метким глазом, Ивашко, как высок берег? – спросил боярин.

– Скажу, боярин Богдан Матвеевич, сто сажений кувырком да под горку. Боярин усмехнулся и спрыгнул с коня:

– Высок берег, как царский венец, – он снял с головы бархатный клобук, отороченный соболем, и свежий ветер принялся трепать чёрную голову заезжего гостя...

Ивашко подобострастно воскликнул:

– Выехал на венец наш Богдан Матвеевич, русский удалец!

– Дело, Ивашко! Назову этот берег Венцом...

Глава 2

Богдан Хитрово, подбоченившись, наблюдал за двумя карабкающимися в гору мальчишками. Первый из них вскоре забрался на травный берег и упёрся лбом в чедыги узорчатого сафьяна – боярские сапоги. Мальчишка задрал голову вверх и застыл с открытым ртом, разглядывая смоляную бороду воина. Следом, сопя и шмыгая носом, забрался второй мальчишка. Он требовательно гундосил:

– Митька, пить хочу.

– Чу, Емелька, это не нагайцы. Видишь, сабля вся богатырская с царской короной.

Бородатый воин посмеивался в усы и молча рассматривал неожиданных гостей. В свою очередь мальчишки во все глаза разглядывали позолоченную саблю, пристёгнутую сбоку. Она висела прямо у них перед носом. Если бы воин вынул её из ножен, то умеющий читать разглядел бы на полосе сабли наведённую золотом славянскую надпись: «7150 (1642). Государь Царь и Великий князь Михаил Фёдорович всея Руси пожаловал сею саблею стольника Богдана Матвеевича Хитрово».

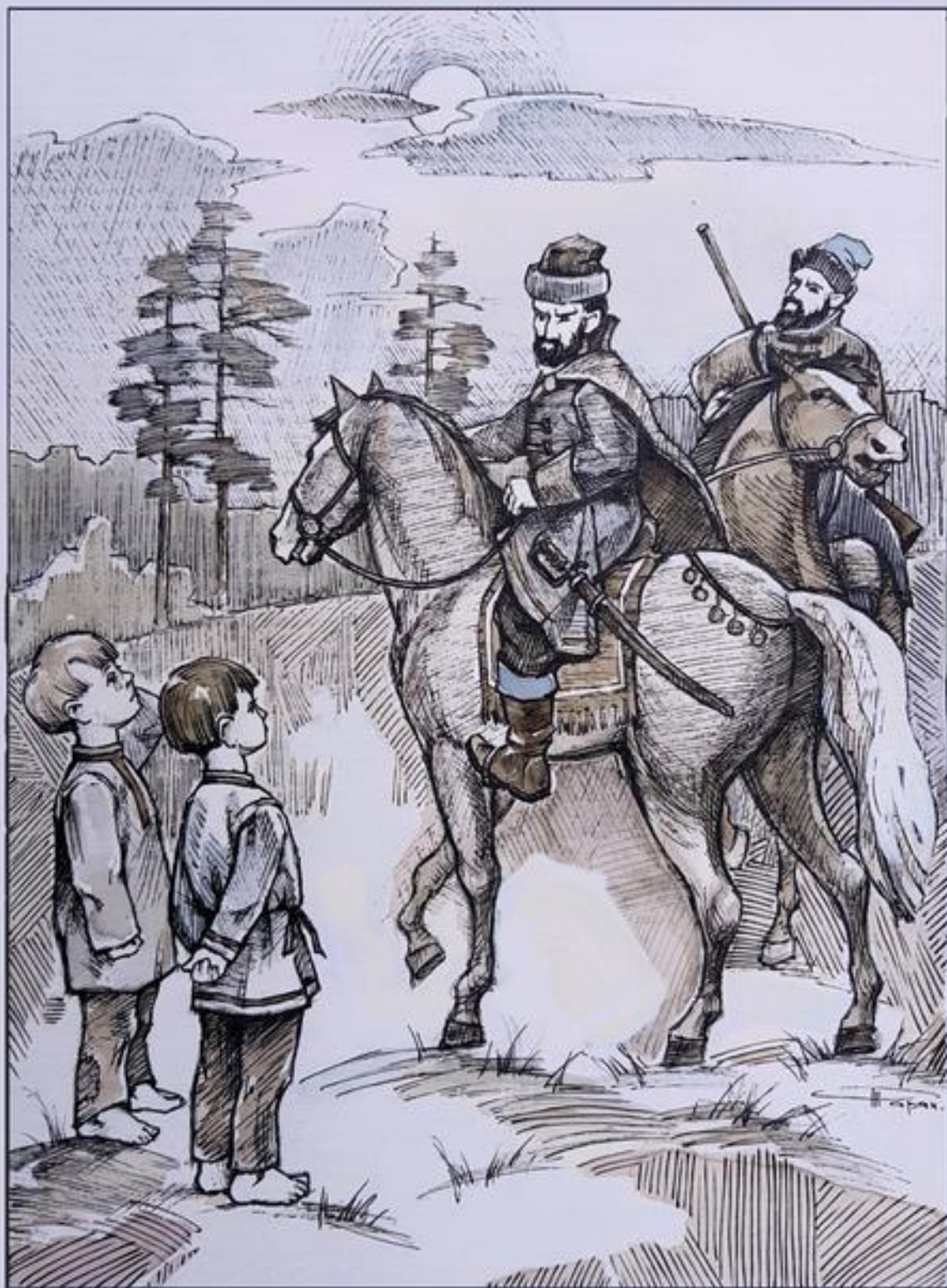
– Митька, вертаемся в деревню. Боярин очень строг.

– Не трусь, Емелька. Боярин нас не гонит, чу, спросит чего, что знаем.

Богдан Хитрово раскатисто рассмеялся:

– Гоже, мальцы волжские. Царского посланника рассмешили. Гнать не буду! Ивашко, испытай-ка мальцов на смекалку.

– Эй, мальцы-стрельцы, загадочку мою слушайте: «Стоят старушки: вздохнут они да охнут, вблизи все люди глохнут».

Митька и Емелька поднялись на ноги, потирая колени и утирая носы. Митька смело ответил:

– Чу, дядька-боярин, старушка та – бабка Афоньки. Мы его вчера поколотили, а бабка эта кочергой грозила и ругалась так, что на Петровом острове слышали.

Тут уж рассмеялось все войско русского боярина. Сам Богдан Хитрово смеялся знатно: борода ходуном ходила, как метла дворника. Ивашко от смеха приплясывал. Боярин спросил:

– За что Афоньку поколотили?

Митька ответил:

– Чу, дядька-боярин, Афонька хотел украсть нашу лодку, а не смог, так в днище дырку продолбил.

Боярин нахмурился:

– Негоже дело – лодки дырывать. Верно побили! Что ж вы на этой завозне одни по Волге катаетесь?

– Уж два раза на острова плавали и рыбу удили.

– Много ль наудили?

– Нам хватает, а батька мой раз поймал белорыбицу: моего росту одна голова. Никто боле не ловил. Емелька видал.

Емелька утвердительно кивнул головой:

– Все видали, и мой дед видал, и Афонька, и бабка Афонькина видала. Я сам рыбице в рот палку совал.

– Это же зачем дело такое?

– А такое, – ответил Емелька, – чтоб там черти не прятались.

Боярин Хитрово многозначительно посмотрел вокруг:

– Доброе дело... А загадку-то отгадывать будете, мальцы? А ну-ка, Ивашко, повтори.

Ивашко напомнил: «Стоят старушки: вздохнут они да охнут, вблизи все люди глохнут». Митька переглянулся с Емелькой.

– Чу, дядька-боярин, других этих старушек мы не знаем, а Афонькина бабка буявая старуха. Она нам сегодня кричала: «Пошто на гору полезли, разбойники босоногие».

Боярин усмехнулся в густую бороду, а Ивашко растянул улыбку до ушей:

– Эй, мальцы-стрельцы! Однако мою загадку вам не отгадать, а как гора эта зовется, живее сказывайте боярину Богдану Матвеевичу.

– Чу, дядька-боярин, гора эта зовется Синбирской, – с мальчишеской гордостью ответил Митька.

– Синбирская гора-а! – в задумчивости протянул боярин, вновь оглядывая величавую реку и туманные волжские просторы.

Глава 3

– За лесом речка Синбирка. Туда заказано ходить. Там великан живет. Он хочет скусить гору, да зубы слабы, – выпалил Емелька.

– Зачем великану гору скусовать? – притворно удивился боярин. Емелька ответил:

– В Синбирской горе ветер живет. Ночью шумит – великана будит.

– Доброе место, раз великан его одолеть не может, – сказал боярин, осматривая соколиным взглядом пространство.

– На западе блестела ещё река. Как называется?

– Свяга! – дружно ответили друзья.

– С трёх сторон гору защищают реки – Волга, Свяга да речка – Синбирка. Надо бы здесь крепость построить для охраны русской границы!

– Хорошая думка, боярин. Государю надо донести всё в подробностях.

– Добро!

Ивашко, зная нрав боярина, более молчал. Богдан Хитрово погрузился в свои боярские думы. Потом сказал, обращаясь к притихшим мальчишкам:

– Ведаю, что Ивашко неспроста вспомнил эту мудреную загадку. Что, мальцы, вижу, она вам не по зубам, как великану сея гора волжская. Те старушки – бронзовые пушки. Как охнут! Все оглохнут!.. Быть здесь крепости с пушками. Эй, Ивашко, дай-ка мальчикам-младцам по новгородке, чтоб царского боярина Богдана Матвеевича Хитрово помнили. Кто из вас старше?

– Чу, дядька-боярин, я старше Емельки на год с пряником.

– Врешь, Митька! Без пряника!

Боярин удивился:

– Что за дело – год с пряником?

– Чу, дядька-боярин, я пряник испробовал, а Емелька – нет. Из Астрахани купец приплывал. Я купцу рыбу носил, торг имел, он мне пряник дал.

– Что ж ты Емельку не угостил?

– Я звал Емельку к купцу идти торговаться, так он не пошел.

Боярин лихо запрыгнул в седло:

– Вот тебе дело, Митька. Мы к закату спустимся в твою слободу на ночевку. Вели своему батьке рыбы в котле наварить. Сказывай, царский стольник будет... Эй, дружина! Гоним лошадей к Свяге! Успеем, так леса дальние оглянем.

– Гэ-й-эй! – Синбирская гора задрожала от конского топота.

Глава 4

Коршун все ещё кружил над волжской горой и видел, как конная вереница спускалась по отлогому берегу к извилистым бережкам Свяги. Эта неширокая речка текла почти параллельно своей старшей сестре Волге. Боярин на белом скакуне высказал вслух свои думы:

– На Синбирской горе крепость соорудить надобно! На восток протянуть засечную линию. Ногаец здесь отпор встретит! Дело царское, Ивашко!

- Наше дело – не жалобиться, а исполнять боярские наказы.
- Сколь думаешь, Ивашко, от Волги до Свяги вёрст будет?
- Две версты, боярин, пешком, да ещё пять аршин шажком. Для города-крепости место и впрямь, подходящее.
- Не говори гоп, Ивашко!.. Это лишь мои думки...

Тем временем Митька и Емелька кубарем скатились с горы и помчались к Митькиной избе. За ними было увязался Афонька, да друзья раскрыли перед Афонькиным носом ладошки с новгородками – серебряными копеечками. Афонька замер и только изумлённо моргал вслед, как брошенный котёнок. Друзья с грохотом ввалились в избу и бросились к бочке с водой – жажда мучила обоих мальчишек. Они выхватывали друг у друга деревянный ковш и напились до боли в животе. Сквозь слюдяные окна просачивался кисельный свет, освещал лавку, стол, углы, уставленные крестьянскими сундуками и укладками, и печку врытой наполовину деревенской избы. У печки, переставляя горшки, топталась Митькина мать. Увидев сорванцов, она охнула:

- Откуда такие разудалые явились?

Митька, тяжело дыша от переполненного водой желудка, восторженно говорил:

- Мамка, я с дядькой-бояриным разговор водил. Дядька-боярин от царя прислан. С войском на белом коне прискакал. Борода черна, сам грозен.
- Ой, Митька, розги под рукой нет!.. Что язык твой мелет?
- Чу, мамка, Емелька скажет.
- У боярина того богатства невиданно. Боярин нам по новгородке поднёс, – Емелька показал серебряную деньгу с чеканным всадником.

Митькина мать присела на лавку:

- Ой, цари земные и небесные!.. Что ж боярин сказывал?
- Чу, мамка, наказано рыбицы наварить. Дядька-боярин будет у нас ночевать.
- Ой, цари земные и небесные!.. Батька твой все ещё на островах рыбалит. Сыщите его! Государева боярина встречать надобно с почестями. Неровен час осерчает... Ой, цари небесные! Как же вы одни-то?

- Плавали уже! – и Митька с Емелькой помчались по берегу к своей лодке. Однако на их пути внезапно появился Афонька и высокорослый Тимошка, сын бортника. Афонька визгливым голосом остановил друзей:

- Мы поколотим вас, Митька!
- Отпущу, ежели деньгу дадите, – добавил Тимошка.

Митька и Емелька прижались друг к дружке плечами. Митька сказал:

- Пустите, нам к батьке скорее надо. Дядька-боярин едет в деревню. От царя прислан.

Тимошка притворно схватился за живот:

- Помру со смеху! Может, царь послал боярина за тобой, Митька? В гости зовёт!
- Чу, Тимошка, боярин с нами разговор вёл.

– Дай-кось, Митька, я разомну кулаки, – грозно продолжил Тимошка и шагнул вперёд.

– Отдай деньгу, – подхватил Афонька.

Митька ответил:

– А ну! Заверну твою шею, Афонька!

Афонька попятился и спрятался за спину Тимошки:

– Наколоты их, Тимошка!

– Сунься! – Митька набычился и сжал кулаки.

Тимошка медлил. Митька толкнул Емельку плечом:

– Одолеем! Закинь копейку в рот! Да не заглоти, сожми зубы!

Глава 5

Митька положил серебряную монету в рот, воинственно промычал-прорычал и бросился на Тимошку. Емелька следом. Они сбили с ног замешкавшегося врага и принялись отчаянно колотить его по бокам и макушке. Афонька накинулся на них со спины – бил, царапал и кусал, но те будто его не замечали – лихо насели на Тимошку. Тот крепко отбивался, но Митька и Емелька не дали ему подняться. Драка закончилась быстро. Тимошка выдохся и, побитый, отползал. Афонька, испугавшись, перестал размахивать руками и отбежал в сторону. Митька и Емелька, утирая окровавленные лица, часто дышали носом, показывая сжатые зубы. Не было ни малейшего сомнения, что друзья готовы продолжить битву и стоять насмерть. Эта решимость и бойцовские позы лишили воли Тимошку и Афоньку. Ругаясь и грозя издали, они не посмели более препятствовать походу Митьки и Емельки. Бросив верёвку с якорем в заводню и, отчалив от берега, друзья выплонули окровавленные серебряные монеты на ладони и принялись рассматривать их, будто видели впервые.

– Чу, Емелька, мой всадник копьём бьёт инородца!

– Мой всадник колотит Тимошку. Глянь, Тимошка молит пощады, – Емелька поднёс ладонь к Митькиному носу. Митька погрозил:

– А ну, ещё сунутся!.. Поколотим!

– Я их не боюсь, – Емелька утёрся рукавом рубахи.

– Умойся водицей, – Митька положил монету в рот и умыл своё лицо.

– Митька, на копейку сколь пряников выторгуешь?

– На серебряную много, враз не съешь.

– Пуд пряников съем! – хвастанул Емелька.

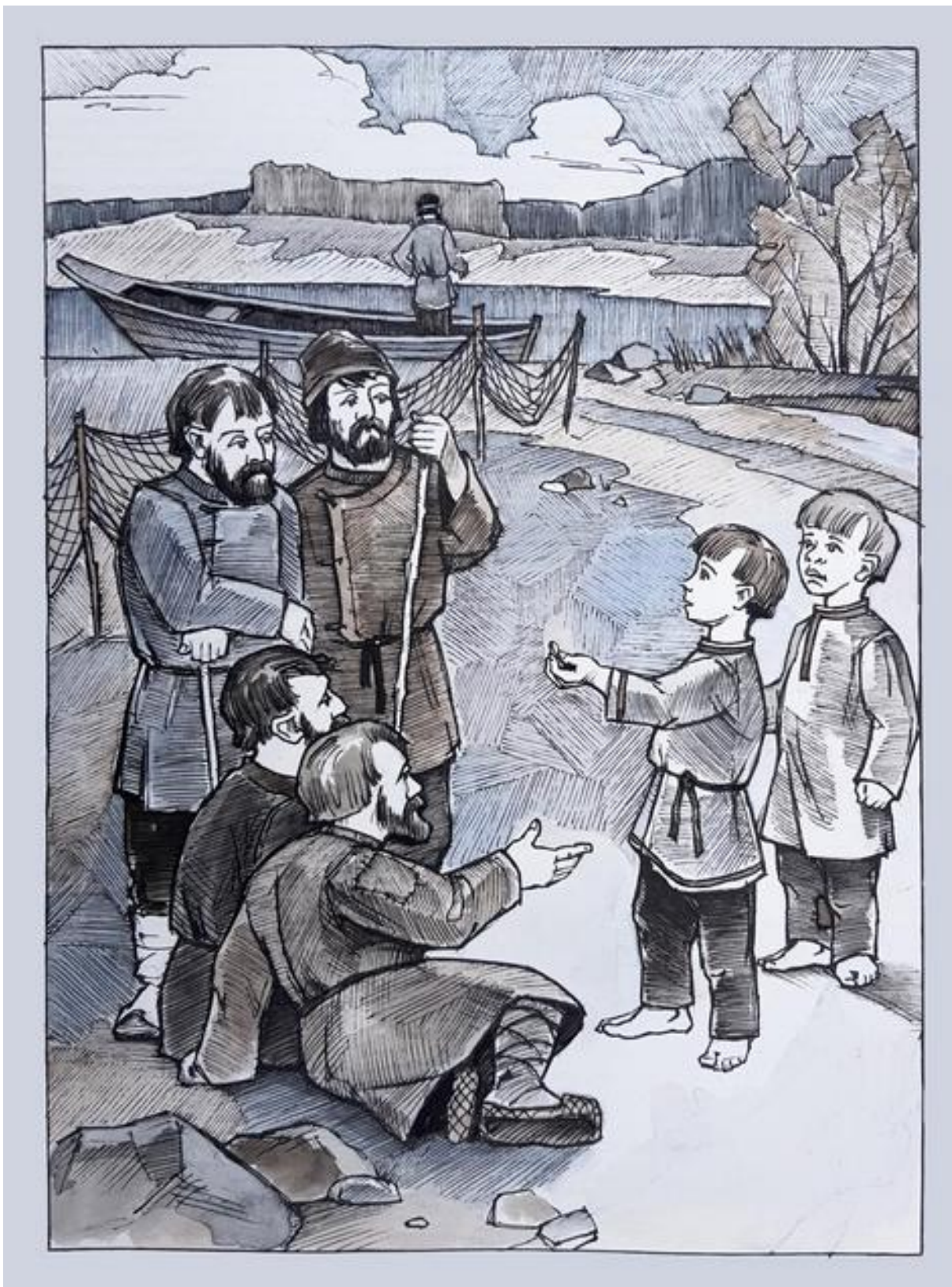
– Бестолковый ты, пуд пряников съешь и помрёшь.

– От пряников не помрёшь!

– Чу, Емелька, волна поднимается, а мы ещё посередь пути. Сгонит от острова, пропадём!

Друзья налегли на вёсла. Работали слаженно, чувствуя под собой величественное дыхание Волги – привольное и опасное. Мальчишеские загорелые спины раскачивались как маятники. Митька ритмично мычал –

давал команды Емельке. Монеты сжимали во рту. Вскоре их лодка уткнулась в песчаный берег Чувичинского острова. Они пробрались через заросли ольхи, прошли сосняком до озерца, опять сосняком и выбрались на цветущую луговину. Мужики сушили неводы, дымил костёр. Одна лодка стояла в протоке между двух островов.

– Батька! – звонко крикнул Митька. – Дело спешное!

Мужики дружно оглянулись. Один из них ответил:

– Митька, чертяка! По какому делу зандобилось на остров плыть без надзору?

Митька, не останавливаясь, повторил:

– Батька! Дело спешное!.. Разузнал я – воины те с Москвы. С ними дядька-боярин на белом коне. Борода черна, сам грозен. На боку сабля.

– Что за надобность занесла лихих воинов?

– Мерят место под крепость. Пушки ставить мыслят.

– Весть пригожая! Дело государево... Так ждал бы на берегу, Митька!

Спешил зачем, чертяка?

– Чу, батька, дядька-боярин наказывал тебе рыбицу варить.

Митькин отец тревожно переглянулся с мужиками.

– Врёшь, Митька, норовишь батьку своего испытать!

– Чу, батька, Емелька кривду не скажет.

Митькин отец присел перед Емелькой, взял его за плечи и заглянул в светлые глаза:

– Скажи, Емелька, Митька врёт?.. Что молчишь-то?

Емелька выплюнул на ладонь серебряную копейку и протянул перед собой:

– Боярин нам по копейке поднёс. Гостить у нас будет. Про великана расспрашивал.

– Какой великан? – удивился Митькин батька.

Митька показал свою монету:

– Чу, батька, дядька-боярин многое расспрашивал. Про гору Синбирскую. Емелька ему поведал сказку о великане, что живёт на речке-Синбирке.

– Тьфу, чертяки! Дело говорите!

Митька почти криком выпалил:

– Дядьку-боярина сам царь прислал. Дядька-боярин ночевать станет в слободе. Варить тебе надобно рыбицы.

Митькин отец озадаченно посмотрел на мужиков. Те пожимали плечами: «Бог его знает?..» Митькин отец решительно встал:

– Бог-то бог, а не будь сам плох! Дело государево. Надобно боярина встретить по чести.

Мужики согласились:

– Встретим, а то. Мальцов враз одарил серебряными копейками, может нам перепадёт от боярской милости.

– Кабы нам батогов не перепало, – хмыкнул Митькин батька. – Как говорят: «Боярин и в рубище не брат». Федька, присмотри стерлядку пожирнее и сплавай на бобровый гон к хромому Дорофейке. Выпроси шкуру побогаче. Мы с чертяками на берег.

Другие мужики предложили:

– Мы –к бортнику Сеньке Архипову на пасеку за свежим мёдом... А то!
Бочонок нацедим, ублажим царского боярина.

Конец ознакомительного фрагмента.

**Прочитайте эту книгу целиком,
купив полную легальную версию на [ЛитРес](#).**